

Положение православного духовенства в 1918-1922 гг. на территории современной Белгородской области

Российское общество, пережив периоды подавления религиозности в сознании людей, стоит перед сложным осознанием сути взаимоотношений таких феноменов, как Церковь и государство. По-прежнему вызывает интерес проблема формирования специфической тоталитарной социокультурной модели государственно-церковных отношений в СССР. Советская власть по своей тоталитарной природе не могла и не хотела проводить либерально-демократический принцип свободы совести, свободы вероисповедания, вырвавшийся из протестантских трактовок раннего христианства, и принцип отделения церкви от государства.

Изданный 20 января (2 февраля) 1918 года Декрет СНК «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» вступил в силу в 1920 г. Многие документы периода 1917-1920 гг. были утрачены, причиной чего являлась безнадзорность архивов в период революции, преднамеренное уничтожение документов во время гражданской войны при смене властей.

Советская власть на белгородской земле проводила широкую массовую агитацию среди крестьянского населения по реализации Декрета «О свободе совести, церковных и религиозных обществах». Для успешного завершения воплощения декрета представителям власти необходимо было быть осмотрительными и не оскорблять религиозные чувства народа и духовенства.

Отделом Управления НКВД в 1919 г. было детально разработано «Положение о создании общин» (1919 г.). Из него следует, что советская власть создавала строгие рамки для существования православных приходов и очень ограничивала права духовенства и их влияние на население. Практически, духовенство стало подчиняться советским структурам и существовать в определенных законодательством условиях.

Благочинным округов Белгородского уезда рассылались Декрет и Положение о создании общин с предложением немедленно распорядиться о снабжении причтов церквей округа Декретом для неуклонного исполнения и проведения его в жизнь в указанные сроки.

Для регистрации общины в Отдел Управления НКВД необходимо было предоставить такие документы, как: заявление о регистрации, устав, договор, опись имущества, переданного по договору, списки служителей

культа, список исполнительного органа и список членов религиозного общества. Причем, устав должен быть составлен общиной с указанием лишения ее прав юридического лица и отдельно должен быть утвержден Отделом Управления НКВД. Многие уставы были отклонены в связи с неточными формулировками. Кроме того, Отдел Управления НКВД разъяснял, что ввиду отделения Церкви от государства все документы, выдаваемые служителями религиозных культов, считаются документами частного характера, не имеющими никакой законной силы; взимание духовенством каких-либо принудительных сборов категорически запрещается, сборы могут быть только добровольными; епархиальные советы подлежали немедленному закрытию как незаконно действующие, а имущество их поступало в распоряжение реквизиционной Губкомиссии; в случае невыполнения, виновные привлекались к строжайшей ответственности.¹

Под каждым договором должны были быть подписи не менее 50 членов религиозной общины. Если же граждане отказывались подписывать договоры, привлекалось к подписям прежде всего духовенство, и в случае отказа последних, сообщалось о них Курской Губчека, как об антисоветских агитаторах.²

Отдел Управления предлагал всем религиозным общинам в краткий срок составить подробные инвентарные описи церковного имущества, которые должны были быть подписаны церковно-приходским советом и проверены на местах председателями сельсоветов. В случае уклонения приходских советов в предоставлении старых церковных описей, виновные привлекались к судебной ответственности в уголовном порядке.³

В соответствии с «Положением о создании общин», религиозная община могла существовать на положении частных обществ и союзов, поскольку деятельность их ограничивалась узкими рамками церковности и выражалась в установлении внутреннего порядка церковной жизни, в устройстве хозяйственной части, в добровольных складчинах на создание причта и церкви и обсуждении вопросов веры и церковной жизни.

Декрет СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (1918 г.) отделял землю, церковные здания и лишал духовенство денежного жалования от государства. Некоторые из церквей испытывали крайнюю нужду не только в богослужебной утвари, но и в обеспечении клира, что зафиксировано в Клировой ведомости Космо-Домианской

¹ ГАБО. Ф. Р-426. Оп. 1. Д. 1. Л. 66.

² ГАБО. Ф. Р-426. Оп. 1. Д. 1. Л. 76.

³ ГАБО. Ф. Р-426. Оп. 1. Д. 1. Л. 170.

Церкви села Нижних-Апочек Старо-Оскольского уезда Курской епархии за 1922 год.⁴

В первых числах мая 1921 года проведение в жизнь декрета СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», регистрация и отсылка документов по всему Белгородскому уезду была закончена.

Этим Декретом советское правительство на законодательном уровне лишило Русскую Православную Церковь большей части материального имущества, прав юридического лица. Церковь в лице духовенства и верующего народа подверглась сильному негативному влиянию советской власти. Фактически, большевики ограничили самостоятельную деятельность Церкви. Поэтому духовенство встало перед проблемой нахождения правильного пути выхода из этой сложной ситуации.

Еще одной кризисной тенденцией в жизни духовенства являлось изъятие церковных ценностей на территории современной Белгородской области. В Курске была создана губернская комиссия по изъятию церковных ценностей в помощь голодающим (Губпомгол). В Белгороде соответственно действовала уездная подкомиссия Помгола.⁵ 17 марта 1922 г. Л.Д. Троцкий внес предложение об активизации работ по изъятию церковных ценностей в центре и губерниях. «...1) в центре и губерниях создать секретные руководящие комиссии по изъятию ценностей по типу московской комиссии Сапронова-Уншлихта. Во все эти комиссии должен непременно входить либо секретарь Губкома, либо заведующий агит-проп. отделом....».⁶

Советская власть возлагала большие надежды на изъятые ценности из церквей, полагая ими исправить свои финансовые проблемы. Реально объем ценностей оказался намного меньше ожидаемого. Для большевиков казалось очевидным укрывательство священнослужителями наиболее ценных предметов утвари. Последовал ряд доносов, в которых говорилось: «Фракции УИК необходимо выяснить всех попов и председателей общин у которых в описи не было указано золотых и серебряных вещей (как, например в с. Хохлове) и предать виновных суду за укрывательство, настоять на немедленном разборе». ⁷ Для того, чтобы не возникало подобных недоразумений, составлялись заявления в белгородскую уездную Подкомиссию по изъятию церковных ценностей от Церковных Советов: «Сим заявлением, что инвентарной описи при нашей церкви имущества и

⁴ ГАБО. Ф. Ф-132 Клировые ведомости. Оп. 1. Д. 4. Л. 9-11.

⁵ Цыпин В., протоиерей. История Русской Православной церкви 1917-1990. М., 1994. С. 216.

⁶ Русская Православная церковь и коммунистическое государство. 1917-1941. Документы и фотоматериалы. М., 1996. С. 85.

⁷ ГАБО. Ф. Р-379. Оп. 1. Д. 56. Л. 47.

предметов до 1919 г., когда была составлена особая опись, раньше не велась и вновь избранный Церковный Совет принимал все имущество с натурой».⁸

Отсутствие описей объяснялось и другими причинами. Один из священников писал «Довожу до сведения Комиссии, что книга описи церковного имущества Николаевской церкви Д. Игумновой Белгородского уезда взята у меня при ограблении вместе с деньгами каким то отрядом, при отступлении Красной Армии вступившим отрядом белых в 1919 г., а потому опись церковного имущества была составлена по имеющимся на лицо предметам».⁹

Рассмотрев вышеизложенные документы, можно сделать вывод, что духовенство Православной Церкви на местах оказалось в непростой ситуации – с одной стороны, правительство требовало выдачу ценностей и тут же обвиняло их в укрывательстве; с другой стороны – доносы и ограбления. Необходимо было для сохранения жизни храма находить правильный выход из сложившейся ситуации. Одни священники видели его в мученической кончине, другие – в обновленческом движении, третьи – в предательстве.

Параллельно с указом об изъятии церковных ценностей советским правительством намечалось «строго секретно» подготовить неделю агитации в Москве.¹⁰ Отголоски данной операции были слышны и в Белгородском уезде. Пресса стала активным участником недели агитации. Но самым главным для советской власти были слова, произнесенные самими священнослужителями в проповедях к своей пастве. Под нажимом пришедшей власти, священники находили подобные аналогии: «...христианские общины в первобытное время за церковные ценности выкупали из рабства своих братьев ... это необходимо сделать и теперь». проповедь была произнесена 7 марта 1922 г. священником Преображенской церкви А. Малогриловым.¹¹ Полностью доверяя своему духовному руководителю и веря в то, что средства пойдут на помощь голодающим в Поволжье, прихожане храма не видели смысла в сопротивлении и с полной покорностью подчинялись декретам советского государства. Следуя указаниям ЦК Помгола, каждая церковь должна была избрать своих представителей в количестве пяти человек, которые присутствовали при изъятии ценностей.¹²

⁸ ГАБО. Ф. Р-379. Оп. 1. Д. 56. Л. 62.

⁹ ГАБО. Ф. Р-379. Оп. 1. Д. 56. Л. 69.

¹⁰ Кобец О., протоиерей, Крупенков А. Н., Крупенков Н. Ф. История Белгородской епархии. Белгород. 2006. С. 86.

¹¹ ГАБО. Ф. Р-379. Оп. 1. Д. 56. Л. 114.

¹² ГАБО. Ф. Р-379. Оп. 1. Д. 56. Л. 108.

С началом процесса изъятия церковных ценностей возрастает бандитизм. На белгородской земле начинаются многократные нападения на храмы. При пропаже имущества власть видела виновником главу прихода – священника, с которого спрашивалось со всей строгостью как допустившего подобное противозаконное действие. Примером может послужить протокол заседания членов правления религиозной общины Тихвинской (Георгиевской) церкви г. Белгорода от 21 мая 1922 года: «Собравшись после происшедшей в нашей церкви в ночь с 20 на 21 мая кражи церковных ценностей, Правление постановило ходатайствовать:

Пред Уголовным Розыском об освобождении из-под ареста под поручительством всей общины нашего уважаемого пастыря, священника Иоанна Егорова, который необходим общине для отправления церковных служб и треб, и ктитора церкви М. О. Кобозева;

Пред комиссией по изъятию церковных ценностей об ускорении изъятия ценностей из нашей церкви и, в виду участвовавших случаев грабежей в г. Белгороде вообще и в частности в нашей церкви (2-ая кража в течение меньше чем 8 месяцев) – о назначении к церкви милиционной охраны».¹³

Вышеприведенные документы свидетельствуют о сложившейся ситуации – церковной общине непросто было сохранить имущество от незаконного изъятия и священнослужителей от несправедливого обвинения. Чиновники, имея в своих руках неограниченную власть, могли предпринять невообразимые наказания для православных верующих. Очень часто ложные обвинения принимались за правду, и тогда приходил конец существованию прихода. Уничтожались не только материальные ценности, но и духовенство, несправедливо обвиняемое в укрывательстве ценностей и неподчинении существующей власти.

Другой особенностью этого процесса являлось то, что выданные самим правительством большевиков охранные грамоты, в которых говорилось «...имущество, принадлежащее Белгородскому Рождество-Богородицкому женскому монастырю и состоящее на учете и в ведении Главмузея, согласно декрета, от 23 января 1918 г. инструкции Народного Комиссариата Юстиции от 30-го августа 1918 г. ...реквизиции не подлежат и никаких изъятий и использования не могут быть проведены без разрешения на то Главмузея или его Губернского органа»¹⁴ не действовали. Чтобы сохранить предметы, имеющие искусствоведческую ценность от безжалостного истребления, духовенство ссылалось на охранные грамоты, но процесс изъятия ценностей продолжался.

¹³ ГАБО. Ф. Р-379. Оп. 1. Д. 56. Л. 82.

¹⁴ ГАБО. Ф. Р-379. Оп. 1. Д. 56. Л. Л. 89.

Многие священники, например, белгородской Рождество-Богородицкой церкви, через заявления просили «отложить изъятие церковных вещей на фомину неделю в виду того, что на страстной недели церковь занята крайне длинными церковными службами».¹⁵ Но конфискация не останавливалась даже в значимые для верующих моменты.

В Белгородском уезде не обошлось без сопротивления изъятию ценностей из церквей: «Мы граждане слободы Стрелицы собравшись на сход 11 мая 1922 года, заслушав Доклад тов. Островской и Шевцова о голоде Поволжья и изъятии церковных ценностей. Считаем себя глубоко виновными перед умирающим с голоду Поволжанскими крестьянами и рабочими тем, что допустили сопротивление по изъятию ценностей этим замедлили спасение человеческих жизней считаем на своей совести десятки безвинно погибших от голодной смерти спасение которых от нас зависело, а также признаем свою вину пред всей Советской властью за то, что воспротивились такому справедливому и человеколюбивому постановлению Центральной власти. Клеймим себя заслуженным позором за свое преступление что послушавшись врагов Советской власти нашептывающих из-за угла всякие небылицы и старающихся разрушить то, что заваено кровью наших сыновей и братьев. Просим привлечь к законной ответственности зачинщиков сопротивления и простить остальных граждан слободы Стрелицы, Стрелички, Поляны и Тюрино (приход).

Принимаем во внимание то, что мы при нашествии белых банд доказали свою преданность Советской власти и обещаем загладить свою вину и смыть то пятно, которое положили на уезд слобода Стрелица. Просим не медленно изъять все церковные ценности и наше постановление просим опубликовать в печати дабы предупредить крестьян и рабочих других уездов и губерний чтобы не слушались шептунов».¹⁶

Советская власть пыталась в полной мере использовать духовенство в своих целях: «...Комиссия начала свою работу в первых числах апреля месяца. Первоначальная подготовительная работа Комиссии выразилась в планомерном дипломатическом подходе к каждому отдельному религиозному культу, дабы не затронуть религиозные чувства несознательных групп верующих своей работой и безболезненно изъять излишние ценности их культов».¹⁷

Применялись такие формы как, групповые совещания священнослужителей и церковных старост с их инвентарными книгами, судя по которым было предложено добровольно сдать излишние ценности.

¹⁵ ГАБО. Ф. Р-379. Оп. 1. Д. 56. Л. Л. 88.

¹⁶ ГАБО. Ф. Р-429. Оп. 1. Д. 74. Л. 5.

¹⁷ ГАБО. Ф. Р-428. Оп. 1. Д. 46. Л. 9.

Группой священнослужителей был организован выпуск воззвания к верующему населению о необходимости беспрепятственной сдачи излишних ценностей в комиссию.

Все поступившие ценности были сданы в УФИНОТДЕЛ для направления в ЦК для помощи голодающим, а сдавшим ценности представителям духовенства были выданы копии актов с описями принятых ценностей. «Работа по изъятию ценностей прошла удовлетворительно и открытого волнения среди верующего населения не наблюдалось. Хищений изъятых ценностей не было».¹⁸

Данный документ представляет собой типичную картину процесса изъятия церковных ценностей на территории Белгородской области. Многие священнослужители отдавали ценности без сопротивления, другие, несмотря ни на что, игнорировали действия власти. В сельских храмах большую часть изъятого составляло серебро и серебряные монеты, тогда как золота было совсем немного. Приходилось предпринимать некоторые усилия, чтобы исправить пробелы в проделанной работе, хотя результат не всегда оправдывал ожидания.

Периодические издания в г. Белгороде, например, газета «Трудовой день» за ноябрь 1922 года приводит «Отчет о работе Исполкома СНК»: «Конечно одной из главных задач в деле помощи голодающим явилась кампания по изъятию ценностей в церквях, монастырях и т. д. И вот эта работа была проделана Исполкомом. Попы конечно в некоторых местах начали противиться изъятию (в Белгородском уезде в частности таких случаев не наблюдалось), но конечно из этого ничего не вышло и ценности были изъяты и быть может спасли жизнь сотен и тысяч голодающих».¹⁹

Многие исследователи сходятся в том мнении, что голод в Поволжье – всего лишь удобный способ расколоть и впоследствии уничтожить православную церковь и духовенство. Это мнение подтверждается запиской Л.Д. Троцкого: «...Вся стратегия наша в данный период должна быть рассчитана на раскол среди духовенства на конкретном вопросе: изъятие ценностей из церквей».²⁰

В заключение следует отметить, что духовенство старалось найти компромисс в решении проблем с государством. Несмотря на то, что советское руководство стремилось ослабить экономическую основу Церкви, уничтожить ее как социальный институт, духовенство пыталось сохранить веру, Церковь, традиционную православную культуру.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Губкин, О. Русская Православная Церковь под игом богоборческой власти в период с 1917 по 1941 годы [Электронный ресурс] / О. Губкин. СПб., 2006. Режим доступа: http://www.sir35.ru/Orthodoxy/Ch_606.htm С. 4.

²⁰ См., например: Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917-1941. Документы и фотоматериалы. М., 1996. С. 83.